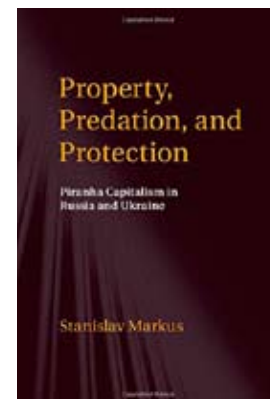

НОВЫЕ КНИГИ

М. М. Сакаева

Низовое сопротивление бизнеса в системе «пираньего» капитализма постсоветских стран

Рецензия на книгу: Markus S. 2015. *Property, Predation and Protection: Piranha Capitalism in Russia and Ukraine*. Cambridge: Cambridge University Press. 256 p.

САКАЕВА Мария Маратовна — кандидат социологических наук, магистр социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, заместитель директора экспертно-аналитического центра Ухтинского государственного технического университета. Адрес: 169300, Россия, Коми, Ухта, ул. Первомайская, д. 13.

Email: eu.sakaeva@gmail.com

В рецензируемой монографии представлена концепция прав собственности, альтернативная доминирующим в социальных науках государственно-центрическим моделям и объясняющая высокую уязвимость частного бизнеса в переходных экономиках на примере двух постсоветских государств — России и Украины. Автор не просто анализирует трансформацию ключевых категорий современной экономической системы в странах посткоммунизма, но представляет современный процесс развития капитализма на основе самых актуальных проблем — угрозы правам собственности, захвата частной собственности и стратегии защиты. Предложенный автором книги тип угроз правам собственности под названием «агентский захват» (agent predation) объясняется неспособностью государства контролировать деятельность своих представителей и определять институциональное устройство капитализма в процессе перехода к рыночной экономике. Центральный аргумент исследования состоит в том, что государство с точки зрения теории и практики не единственный актер, способный защищать права собственности.

Рецензия начинается с критики государственно-центрических моделей, анализирующих права собственности в переходных экономиках. Далее аргументируется необходимость альтернативной концепции агентского захвата, раскрываются содержание этого феномена и его место в современных теориях о правах собственности. Следуя логике книги, автор рецензии представляет условия, способствующие расцвету агентского захвата, процесс его укоренения в России и на Украине. Текст завершается рассуждением о ресурсах и методах сопротивления агрессорам со стороны частных собственников.

Ключевые слова: права собственности; капитализм; государство; предпринимательство; захват собственности; надёжные гарантии прав собственности; переходная экономика; постсоветские исследования.

Книга С. Маркуса «Property, Predation and Protection: Piranha Capitalism in Russia and Ukraine» («Собственность, захват и защита: пираний капитализм в России и Украине») представляет собой всесторонний анализ специфической модели капитализма, сложившейся на постсоветском пространстве в

2000–2010-х гг. Книга обладает тремя преимуществами, отличающими её не только от существующих исследований постсоветского бизнеса, но и от целого ряда работ, посвящённых незападным моделям капитализма. Во-первых, книга не просто критикует ограниченность доминирующих подходов к анализу прав собственности, но представляет сильную альтернативную методологию исследования прав собственности в переходных экономиках. Автор уверенно атакует апологетов схематического подхода к анализу взаимодействия государства и экономики, которые всё практическое разнообразие оформления прав собственности пытаются уложить в теоретические рамки дихотомий «сильное vs слабое государство», «хищническое vs защищающее государство», «хорошие vs плохие институты». Во-вторых, это хорошо структурированное сравнительное исследование, основанное на анализе взаимосвязей между вынесенными в заглавие категориями (собственность, захват и защита). И наконец, представленная монография преодолевает академическую дискриминацию в отношении целого ряда стран бывшего Советского Союза (в данном случае Украины), которые, в отличие от России, зачастую не пользуются должным вниманием со стороны исследователей рынков и предпринимательства.

Атака на государственно-центрические концепции

Следуя либертарианской логике, исследователи переходных экономик и посткоммунизма изучали предпринимательство и права собственности в контексте внешних условий, которые задаёт государство. Их тезис о том, что защита прав собственности и экономический рост есть результат единоличного акта государственных представителей, апеллирует к устоявшейся в социальных науках идее о государстве как о центре силы. Концепция о сильном (унифицированном Левиафане) и слабом государстве (институционально незрелом) восходит к полемике Т. Гоббса и Д. Локка о суверенитете и общественном договоре. Нередко современники достаточно вольно трактуют их труды и продолжают изучать экономическую жизнь с позиций силы или слабости государства как единственного актора, способного создавать и поддерживать институты, развивать рынки и защищать права собственности.

Критику защитного потенциала современного государства относительно прав собственности условно можно разделить на два направления. Первое представлено сторонниками макротеорий о грабительской руке государства (*grabbing hand theory*) [Acemoglu, Robinson 2012] и о хищническом государстве (*predatory state*) [North et al. 2013]. Представители неоинституциональной экономики настаивали, что государство должно быть главным гарантом частной собственности, несмотря на актуальную для любого правительства дилемму между защитой или грабежом [Weingast 1997]. Второе направление сформировалось в поле экономической антропологии и сфокусировано на поведении социальных групп и агентов. Несмотря на внешнюю бюрократическую мощь, государство довольно ограничено в своём влиянии на жизнь социальных агентов в локальных сообществах, где «слабые» перед лицом представителей власти накапливают и используют ресурсы сопротивления или адаптации к репрессивной государственной машине [Scott 1985]. Антропологи, казалось бы, отказываются от государственно-центрической модели, вынося государство и его институты за скобки. Однако стратегии поведения социальных агентов являются зависимой переменной, задаются государством, его политикой, состоянием формальных институтов и поведением чиновников.

Западные теории, часто безоговорочно принятые за точку зрения социальных наук на права собственности и природу рынков, оказываются узконаправленными не только в силу методологических ограничений, но и по причинам конвенциональным. В 1990-х гг. социальные науки пережили бум неоинституциональных исследований транзитных экономик, которые с тем или иным успехом перенимали западный опыт рыночного строительства и демократического развития, принятый за образец. Когда стало очевидно, что западные институты на чужеродной почве работают по-другому, в академическую моду вошли теории, объясняющие высокий уровень коррупции и массовость нарушений принципа неприкосновенности частной собственности ментальными особенностями и когнитивными установками

социальных групп, незнакомых с либерально-демократической культурой. Сюда же можно отнести идеи о слабом или, напротив, слишком сильном государстве, дискуссии о зарегулированном государстве, модель несостоявшегося государства (*failed state*) и другие попытки найти «неполноценным» государствам, отличным от западных стран, место в социально-экономической теории [Сакаева 2016].

С. Маркус осторожно указывает на конвенциональные ограничения государственно-центрических теорий, подчёркивая неоченимый вклад их создателей в расширение наших представлений об институте прав собственности. В частности, главным недостатком академического дискурса о правах собственности С. Маркус считает сведение всего разнообразия практик, специфик и проблем либо к историческим аналитическим нарративам Норта — Уоллиса — Вайнгаста об обществах закрытого и открытого доступа, либо к контрасту между инклюзивными и экстрактивными государственными институтами Асемоглу — Робинсона (с. 12). Критике теорий об угрозах и защите прав собственности посвящена вторая глава книги — «Агентский захват и безопасное владение» («Agent Predation and Secure Ownership»). Основная идея главы в том, что траектории развития прав собственности в развивающихся странах на практике опережают макротеории, которые не улавливают вариаций внутри моделей или не объясняют парадоксов, например, в концепции надёжных обязательств (*credible commitment*). Большого внимания, пишет автор, требуют и вариации внутри категории «хищническое государство». В целом исследование о захвате и защите собственности в двух крупных постсоветских экономиках заставляет задуматься, насколько теории об устройстве капитализма обусловлены теоретико-методологическими ловушками, в которых находятся разработчики этих теорий. Главная претензия С. Маркуса состоит в том, что исследователи прав собственности до сих пор практически не пытались выйти за границы государственно-центрических концепций (*state-centric concepts*).

Реализуя такой теоретико-методологический поворот, С. Маркус приводит три основных аргумента (с. 2–3, 201). Во-первых, он ставит конвенциональный диагноз (*conventional diagnosis*) в отношении теорий, которые основную угрозу правам собственности видят в неограниченной власти государства (принципала). Бюрократическая периферия представляет куда больше угроз, чем национальное правительство. Причём, как уже отмечалось выше, речь идёт не о коррупционных аппетитах чиновников, а о претензиях на захват собственности. Исследованию феномена агентского захвата и посвящена значительная часть книги. Во-вторых, в контексте дезорганизованных, низовых угроз правам собственности конвенциональное решение (*conventional solution*) проблемы путём институциональных ограничений обречено на провал, поскольку в условиях чиновничьего оппортунизма правитель не может гарантировать выполнение взятых на себя обязательств.

С. Маркус предлагает новое решение проблемы (*novel solution*), которое заключается в отказе от идеализации институционального строительства. Инструменты защиты прав собственности лежат вне сферы государственной власти и инициатив принципала. Иными словами, институциональный дизайн не повышает защиту прав собственности. На низовой захват нужно отвечать низовым сопротивлением. Это движение снизу, а не ожидание политической воли может способствовать укоренению принципа верховенства права в переходных экономиках.

Прежде чем перейти к механизмам агентского захвата и стратегиям защиты, нужно отметить разнообразие использованных автором методов сбора и обработки данных. Книга представляет собой редкий пример удачной интеграции количественных и качественных методов. Эмпирика включает проведённый в 2007 г. в России и на Украине опрос более чем полутысячи (516) фирм¹. Опросник касался специфических типов угроз в отношении прав собственности (с. 75–76). Эта база данных, главным

¹ Дизайн количественного исследования сформирован на основе базы данных о фирмах, собираемых Институтом экономической политики им. Е. Гайдара в России и Институтом экономических исследований и политического консультирования (IERPC) в Украине.

образом, и была использована для тестирования авторской теории об агентском захвате. Огромный массив качественных данных автор определяет как вторичные. В 2003–2012 гг. в двух странах он собрал 152 интервью с разными типами респондентов². В качестве дополнительных источников автор использовал огромный массив центральной и региональной прессы обеих стран.

Агентский захват: обоснование категории в дискурсе о правах собственности

В концептуальном плане между государством (сувереном или принципалом) и частными собственниками есть среднее звено, которому в академическом дискурсе уделяется недостаточно внимания. Речь идёт об агентах, включённых в государственные институты, но действующих в своих частных интересах. Применительно к 2000-м гг., утверждает С. Маркус, теории коррупции уже не способны объяснить логику действий представителей государства, которым уже неинтересно обогащение путём вымогательства взяток. Ставки выросли: захват собственности вместо присвоения ренты. На современном этапе развития переходных экономик под угрозой оказываются более фундаментальные права предпринимателей — право на владение собственностью. Агенты государства отказываются довольствоваться выгодами от посягательств на право от доходов.

Пожалуй, впервые в литературе об угрозах правам собственности в переходных государствах предложено посмотреть на чиновников как на агентов захвата. Безусловно, мы не списываем со счетов концепцию захвата бизнеса, где представители государства играют важную роль. Но С. Маркус отличается от других тем, что он показывает условность принадлежности захватчиков к государству. Условность проявляется в том, что они действуют не от имени государства как принципала или суверена. Массовый захват бизнеса в России и на Украине происходит не в связи с распоряжением суверена, который, следуя грабительской стратегии, решил изъять богатства граждан. Напротив, государство как центр силы по-прежнему слабо и пассивно, не способно реально ограничивать произвол чиновников, а государственные принципалы в обоих государствах с начала 2000-х гг. «осёдланы захватчиками» (с. 96). (Под «захватчиками» автор имеет в виду не столько высокопоставленных чиновников в федеральных органах власти, сколько чиновников на местах.) Прошли те времена, когда бизнес использовал недобросовестные методы конкуренции, обращаясь за специфическими услугами к государственными структурам и чиновникам. Теперь агенты государства сами являются владельцами бизнеса, а не оказывают содействие рыночным агентам по его захвату (с. 63).

С. Маркус стоит в одном ряду с другими западными исследователями, занимающимися изучением захвата бизнеса на постсоветском пространстве 2000-х гг. [Firestone 2010; Gans-Morse 2012]. Однако, в отличие от них, он не сводит все стратегии захвата к рейдерству, не склонен объяснять успешность захвата неравенством ресурсов и возможностей между жертвой и агрессором. В главе 2 рецензируемой книги представлены идеальные типы угроз правам собственности со стороны государства и его представителей, которые включают различные практики, в том числе рейдерство (с. 27–32). Автор выделяет четыре типа угроз, которые группируются по двум шкалам. Первая шкала - наличие организующего начала со стороны принципала (соответственно атаки бывают организованные и неорганизованные). Вторая шкала - это тип правомочий, которые подвергаются угрозам, - право на прибыль и право на владение. Организованная атака на право на прибыль обозначена как мошенничество (*scimming*). Соответственно, неорганизованная атака на этот же тип правомочий — хищение (*siphoning*). Третий тип угроз — экспроприация собственности по инициативе принципала; его С. Маркус относит к организованной атаке на права владения. И наконец, четвёртый тип угроз, краеугольный камень всего иссле-

² У владельцев бизнеса или управленцев компаний были взяты 66% интервью; 15% — у местных экспертов (представители НКО, СМИ, академического сообщества); 14% — у представителей государства (депутаты местных и национальных парламентов, партийные функционеры, руководители министерств различных уровней) (с. 43–44).

дования — агентский захват. Это практики атак на право владения со стороны агентов государства, не санкционированные и не контролируемые государством (принципалом).

Кроме того, в главе 3 на основе интервью и анализа прессы автор описывает пять этапов успешной атаки, обозначая трудности, с которыми сталкиваются охотники за чужой собственностью (с. 58–61). Книга в целом постепенно разворачивает агентский захват сначала как теоретический концепт, а потом и как явление, определяющее логику развития современного капитализма России и Украины.

Механика агентского захвата

Альтернативная оптика С. Маркуса в отношении прав собственности в посткоммунистических странах предполагает не только концептуальное разделение грабительской политики государства (принципала) и посягательств со стороны государственных агентов. Автор утверждает, что агентский захват, в особенности самодеятельность чиновников на местах, подрывает фундаментальные интересы государственных лидеров и противоречит стратегическим интересам государства как института, ответственного за общественное благосостояние. Этот аргумент показывает уязвимость институционалистов с их претензиями в адрес зарегулированного государства и авторитарных государственных лидеров, якобы намеренно поощряющих практики захвата бизнеса.

В качестве примера С. Маркус приводит российские мегапроекты 2000-х гг., которые не реализовались вовсе или не достигли поставленных целей из-за «подрывной» деятельности агентов: зимняя Олимпиада в Сочи (2014 г.); разработка Штокмановского месторождения на Сахалине, проект по строительству газопровода в Европе «Южный поток» и др. (с. 96). Правда, российскому читателю вполне справедливо покажется наивной идея о том, что фактический провал стратегических проектов объясняется противодействием чиновников на местах, а не тотальной коррумпированностью системы и ошибками центрального правительства. Надо сказать, что в книге иногда встречаются подобные слабые или спорные утверждения.

Следующий шаг, приближающий читателя к пониманию того, что есть агентский захват, С. Маркус делает в направлении демократических и правовых институтов. И здесь неоинституциональные идеалисты сталкиваются с поводом для беспокойства, поскольку автор уверенно заявляет: агентский захват расцветает и при демократических институтах. Далеко не новой является мысль о том, что западные демократические институты, перенесённые на почву с другими культурными и социально-экономическими основаниями, эксплуатируются по другим правилам. Но С. Маркус показывает, как институты демократии и правового государства превращаются из инструмента защиты в орудие нападения. Иными словами, книга даёт достаточно полное представление о том, как благими намерениями реформаторов прокладывается дорога к хаосу и войне «всех против всех» в правособственнических отношениях. На конкретных примерах из России и Украины описываются способы рейдерских и других типов захвата бизнеса по букве закона, когда успех атак был обусловлен в первую очередь непреложностью принципа соблюдения контрактов. Как отмечает С. Маркус, принуждение к выполнению обязательств может маскировать разные формы захвата, включая рейдерство (с. 111–112).

Украинский опыт демократических реформ после «Оранжевой революции» 2004–2005 гг. показывает, как демократия развязывает руки «бандитам» в погонах или «пираньям» в чиновничьих креслах, усугубляя и без того уязвимое положение предпринимателей. Правительство В. Ющенко действовало в рамках неоинституциональной модели, заявив об обязательствах по защите прав собственности. Была инициирована антирейдерская кампания, децентрализовано управление и расширены полномочия представительной ветви власти (с. 108–110, 117–118). Однако демократические инициативы привели к драматическим последствиям: новый виток передела собственности и рост коррупции (с. 157–158,

165). Среди прочих причин такого результата С. Маркус указывает и на такую: принципал не способен гарантировать, что чиновники на местах будут проводниками заявленных государством обязательств. Более того, на примере реформ после «Оранжевой революции» становится очевидным, что в современных развивающихся экономиках зачастую происходит замещение одних форм захвата собственности другими³. Правительство В. Ющенко сломало созданную Л. Кучмой государственную машину захвата собственности, когда эти практики были санкционированы и организованы сувереном. Угрозы со стороны принципала, признает С. Маркус, сократились, но при этом начались массированные атаки с другого фланга — со стороны плохо управляемых чиновников (с. 167).

С. Маркус также не склонен идеализировать принцип верховенства права. Закон — это обоюдоострое оружие, которое может быть направлено для защиты прав собственности и для атаки на них. Но речь не идёт о «плохих» законах, специально созданных для конфискации имущества граждан, как об этом писали Д. Норт и Б. Вайнгаст [North, Waingast 1996]. Даже «хороший» закон, отвечающий принципам верховенства права, может быть использован недобросовестными агентами для нанесения ущерба. Здесь мы подходим к социальной изобретательности экономических агентов, которые способны трансформировать механизм правовой защиты в орудие неправового нападения. Неслучайно в главе 4 рецензируемой книги автор подробно останавливается на одном из эмпирически выявленных парадоксов. Дело в том, что предприниматели в России и на Украине согласны с тем, что государству необходимо усиливать легальные механизмы защиты прав собственности (законодательная база, независимый суд), но при этом расценивают плохо защищённые права собственности как ресурс развития собственного бизнеса (с. 111). Отмечая укоренённость двойных стандартов в сознании предпринимателей, С. Маркус подводит читателя к очередному ограничению государственно-центрических макрокотейрий, которые зачастую не способны уловить подобное противоречие.

Оружие не слабых против не сильных

В книге приводится соображение о том, что слабое или сильное государство, пассивные или агрессивные государственные агенты, центральное правительство или местные чиновники, принципал или уполномоченные им представители всегда будут покушаться на собственность. Институциональные ограничения могут лишь влиять на масштаб аппетитов захватчиков и степень изощрённости схем захвата. Оптимизм С. Маркуса сводится к тому, что в «конце тоннеля брезжит свет», поскольку защита собственности от агентского захвата при определённых условиях может быть успешной (с. 168). Этой теме посвящены главы 6 и 7 монографии.

Как возможна защита в условиях, когда проваливаются едва ли не все попытки государства обуздать аппетиты чиновников, а инструменты частной защиты уже недоступны или малоэффективны в связи с возвращением государству монополии на насилие? Хорошо известно, как защищался бизнес постсоветских стран в эпоху ослабления государства и институционального коллапса 1990-х гг. Модель силового предпринимательства раскрывает практики и описывает коллизии взаимоотношений между продавцами и покупателями силовой защиты [Volkov 2002]. В начале 2000-х гг. государство вернуло монополию на насилие, что в экономической сфере вылилось в захват бизнеса [Gans-Morse 2012]. В дискуссии о хищническом государстве С. Маркус также следует по линии опровержения, заявляя, что уже в 2000-х гг. в России и на Украине государство (принципал) утратило контроль над процессом захвата, и, судя по всему, в 2010-х гг. тенденция только усилилась (с. 87). Парадоксально, но в случае с современными Россией и Украиной государство — это последняя инстанция, от которой при сложившихся обстоятельствах в ближайшие годы, вообще, стоит ожидать системных мер по обеспечению гарантий прав собственности.

³ Напомним четыре идеальных типа угроз: мошенничество, хищение, экспроприация собственности по инициативе принципала, агентский захват.

Самостоятельная защита «утопающих», адекватная нападению, способна если не переломить ситуацию в целом, то по меньшей мере привести к сбою механизма, который только на первый взгляд работает безотказно. В силу объективных методологических ограничений исследование не раскрывает полной картины этого движения снизу. Пожалуй, монография Маркуса — один из первых шагов в исследованиях опыта сопротивления захватчикам в бизнесе. На основе метода кейс-стади автор пытается выяснить, когда и при каких условиях сопротивление достигает успеха (подробно описанные кейсы нужно отнести к числу безусловных достоинств книги).

Во-первых, слабое звено любого агентского захвата коренится в самой сути этого типа атак на собственность: он дезорганизован. И дело не только в уже отмечавшемся отсутствии организации и контроля со стороны государства. Альянс захватчиков, как правило, не имеет чётко определённого, постоянного центра управления. Ряды агрессоров не так стройны и крепки, как об этом принято думать. Соответственно, члены противостоящей захвату группы должны отличаться высоким уровнем консолидации сил, координации управления и последовательности действий.

Во-вторых, принципиально важным для противодействия рейдерству и другим типам атак на бизнес является создание альянса между заинтересованными сторонами. Состав участников и конфигурация взаимоотношений между ними определяются ситуацией (с. 169). В целом на основе исследованных успешных (фабрики и заводы Украины) и провалившихся операций (дело «ЮКОСа» и Ходорковского в России) по самозащите крупного бизнеса от разного типа угроз С. Маркус показывает эффективность формирования альянсов как стратегии по защите прав собственности. В состав альянса в зависимости от ситуации могут входить следующие участники: иностранные собственники (владельцы пакета акций), профсоюзы, рабочие коллективы, муниципальные или региональные власти.

В-третьих, далеко не всегда явное преимущество в силах и ресурсах находится на стороне агрессоров. В этом отношении захват бизнеса всегда опаснее, поскольку государственному принципалу в отличие от государственных агентов практически невозможно противостоять. Тактика формирования альянсов работает, если фирмы не сталкиваются с Левиафаном лицом к лицу (с. 198). Агенты захвата действуют на свой страх и риск — это отличает их от грабительского государства и роднит с жертвами захвата. Иначе говоря, нередко стартовые условия нападающей и обороняющейся сторон сопоставимы.

В книге пересматривается хорошо знакомая парадигма о политической воле государства в случае с переходными экономиками. Слабое государство, одновременно утратившее монополию на захват собственности и на контроль своих агентов, а также не способное выполнять обязательства по защите прав собственности, оказывается в институциональном тупике. Создание системы гарантий через децентрализацию управления требует политической воли, проявление которой дискредитирует демократию, как это произошло на Украине (с. 202–203). В итоге не срабатывает механизм верховенства права и, как было отмечено выше, бизнес и права собственности оказываются под ещё большей угрозой, чем при авторитарном режиме.

Альтернативой отсутствующей политической воле является воля субъектов (фирм, собственников и альянсов) к сопротивлению. Идея низового сопротивления как способа борьбы с агентским захватом применима не только к посткоммунистическим странам. Примеры стран Латинской Америки, Африки и даже Китая показывают, как частные фирмы успешно противостоят атакам захватчиков в лице региональных правительств, прибегая, например, к поддержке зарубежных стейкхолдеров (с. 198).

В целом книгу С. Маркуса отличает довольно непопулярная в научной литературе о предпринимательстве и правах собственности идея об ответственности самих участников рынка за свою безопасность. С одной стороны, автор разделяет позицию Д. Скотта о силе слабых перед лицом Левиафана и его

агрессивных агентов. Но в то же время он считает принципиально важным для исследователей разных моделей капитализма переключиться с апологии государственной воли на изучение практик защиты собственности.

Заключение

Вопрос о правах собственности в развивающихся экономиках — это вопрос не о силе или слабости государства в процессе институционального строительства или о ресурсах государства по обузданию appetitов чиновников, но, скорее, вопрос о логике действий агентов государства и агентов рынка. Однозначного ответа на вопрос о том, кто и как должен обеспечивать защиту прав собственности, нет. Более того, не исключено, что поиски такого ответа — это тупик в силу постановки в корне ошибочного вопроса. Вопрос об инициаторах и инструментах защиты прав собственности скрывает в себе более фундаментальный вопрос о том, какие акторы и группы в современных развивающихся экономиках действительно заинтересованы в безусловной защите частной собственности. С. Маркус лишь намекает на это обстоятельство, вскользь упоминая, что пока даже в предпринимательской среде обеих стран не укоренилась идея неприкосновенности частной собственности. Напомню результат опроса предпринимателей в России и на Украине: предприниматели в обеих странах показали достаточно высокую склонность к агрессивному поведению на рынке (с. 112). Иными словами, сами предприниматели принимают норму неприкосновенности с условием, что непреложны и святы их собственные права. Если того потребуют обстоятельства и коммерческие интересы, многие не откажутся пересмотреть идею неприкосновенности в отношении конкурентов или «лакомого кусочка» на рынке.

В дискуссии о влиянии силы и слабости государства на развитие предпринимательства и состояние прав собственности также пока рано ставить точку. Логически книга подводит к тому, что если слабое государство опасно из-за отсутствия должного контроля над институтами и субъектами, то сильное государство невыгодно никому. Сильные институты (законы, суды, права собственности) в контексте «пираньего» капитализма противоречат интересам и агрессоров, и жертв. Первые лишаются способов получить лёгкий доступ к собственности и избежать санкций; вторые теряют возможности для манёвра в борьбе против захватчиков, а также против конкурентов.

Трудно сказать, насколько современные теории отвечают на вопрос о реальных препятствиях переходных экономик на пути к созданию рыночного капитализма по западному образцу. В этом случае многие относительно новые, но уже устоявшиеся теории и концепции экономического развития, упомянутые в этой рецензии, потребуют значительного пересмотра. Неслучайно С. Маркус обращает внимание читателей на принципиальную разницу между двумя группами современных государств — молодыми рыночными экономиками и западными странами с богатым капиталистическим прошлым. Первая группа гораздо многочисленнее и разнообразнее по вариациям капиталистических или квази-капиталистических моделей. Вторая группа представлена куда меньшим количеством стран; зачастую их траектории развития исключительны. Поскольку, как показывает практика, транзит институтов и заимствование западного опыта могут приводить к противоположным результатам, социальные науки обречены на поиск альтернативных концепций, объясняющих этот парадокс.

Литература

Сакаева М. М. 2016. Права собственности в фокусе социологических теорий: через размывание границ к междисциплинарности. *Экономическая социология*. 17 (3): 110–131. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2016/05/29/1132277413/ecsoc_t17_n3.pdf#page=110

Acemoglu D., Robinson J. 2012. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York: Crown Publishing Group.

- Firestone T. 2010. Armed Injustice: Abuse of the Law and Complex Crime in Post-Soviet Russia. *Denver Journal of International Law and Policy*. 38 (4): 555–580.
- Gans-Morse J. 2012. Threats to Property Rights in Russia: From Private Coercion to State Aggression. *Post-Soviet Affairs*. 28 (3): 263–295.
- North D. C. et al. 2013. *In the Shadow of Violence: The Problem of Development in Limited Access Societies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D. C., Weingast B. 1996. Constitutions and Commitment: the Evolution of Institutions Governing Public Choice in 17-Century England. In: Alston L., Eggertsson T., North D. (eds) *Empirical Studies in Institutional Change*. Cambridge: Cambridge University Press; 134–166.
- Rose-Ackerman S. 1999. *Corruption and Government: Causes, Consequences and Reform*. New York: Cambridge University Press.
- Scott J. 1985. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New York: Yale University Press.
- Volkov V. 2002. *Violent Entrepreneurship. The Use of Force in the Making of Russian Capitalism*. Ithaca; London: Cornell University Press.
- Weingast B. 1997. The Political Commitment to Markets and Marketization. In: Weimer D. (ed.) *The Political Economy of Property Rights. Institutional Change and Credibility in the Reforms of Centrally Planned Economics*. Cambridge: Cambridge University Press; 43–50.

NEW BOOKS

Maria Sakaeva

Bottom-up Resistance of Business in the System of Piranha Capitalism in Post-Soviet States

Book Review: Markus S. (2015) *Property, Predation and Protection: Piranha Capitalism in Russia and Ukraine*, Cambridge: Cambridge University Press. 256 p.

SAKAEVA, Maria — Candidate of Sciences in Sociology; Deputy Director, Centre of Expertise and Analytics, Ukhta State Technical University; Visiting Researcher, Institute for East European Studies (Freie University in Berlin). Address: 13 Pervomayskaya str., Ukhta, 169300, Komi Republic.

Email: eu.sakaeva@gmail.com

Abstract

The book *Property, Predation and Protection: Piranha Capitalism in Russia and Ukraine*, written by Stanislav Markus, promotes the alternative concept of property rights, which explains the vulnerability of private business and property rights in developing economies on the basis of two cases—Russia and Ukraine. The author not only explores the transformation of the core fields of a contemporary economical system within the post-communist states, but also analyzes modern capitalism, focusing on the categories of current interest—threats to property rights, predation of private property, and strategies of protection. The type of property-right threats referred to by Markus as “agent predation” is characterized by the

absence of the state as a powerful center, which no longer produces main threats toward business. Moreover, the state in transit economies still own the limited capacity to create the institutional design of capitalism. The main argument of the book is that the state is not the only actor able to protect property rights. Sakaeva discusses critical approaches toward the state-centric framework, increasingly relied on by scholars of property rights in developing states. Sakaeva focuses on the definition, stages, reasons, and consequences of agent predation in post-Soviet capitalism and its common features of and differences from other types of property rights threats. The review also explores resources and methods of protection used by private owners against low-level non-state aggressors.

Keywords: property rights; capitalism in developing states; state; entrepreneurship; property predation; credible commitment; transit economics; post-soviet studies.

References

- Sakaeva M. (2016) Prava sobstvennosti v fokuse sotsiologicheskikh teorii: cherez razmyvanie granits k mezhdisciplinarnosti [Property Rights in the Focus of Social Theories: Through Breaking Boundaries towards Interdisciplinary]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 17, no 3, pp. 110–131. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2016/05/29/1132277413/ecsoc_t17_n3.pdf#page=110 (accessed 25 October 2017) (in Russian).
- Acemoglu D., Robinson J. (2012) *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*, New York: Crown Publishing Group.
- Firestone T. (2010) Armed Injustice: Abuse of the Law and Complex Crime in Post-Soviet Russia. *Denver Journal of International Law and Policy*, vol. 38, no 4, pp. 555–580.

- Gans-Morse J. (2012) Threats to Property Rights in Russia: From Private Coercion to State Aggression. *Post-Soviet Affairs*, vol. 28, no 3, pp. 263–295.
- North D. C., Wallis J., Webb S., Waingast B. (2013) *In the Shadow of Violence: The Problem of Development in Limited Access Societies*, Cambridge: Cambridge University Press.
- North D. C., Waingast B. (1996) Constitutions and Commitment: the Evolution of Institutions Governing Public Choice in 17-Century England. *Empirical Studies in Institutional Change* (eds. L. Alston, T. Eggertsson, D. North), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 134–166.
- Rose-Ackerman S. (1999) *Corruption and Government: Causes, Consequences and Reform*, New York: Cambridge University Press.
- Scott J. (1985) *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*, New York: Yale University Press.
- Volkov V. (2002) *Violent Entrepreneurship. The Use of Force in the Making of Russian Capitalism*, Ithaca; London: Cornell University Press.
- Weingast B. (1997) The Political Commitment to Markets and Marketization. *The Political Economy of Property Rights. Institutional Change and Credibility in the Reforms of Centrally Planned Economies* (ed. D. Weimer), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 43–50.

Received: November 9, 2017

Citation: Sakaeva M. (2017) Nizovoe soprotivlenie v sisteme «piran'ego» kapitalizma postsovetskikh stran. Retsenziya na knigu: Markus S. (2015) *Property, Predation and Protection: Piranha Capitalism in Russia and Ukraine*, Cambridge: Cambridge University Press [Bottom-up Resistance of Business in the System of Piranha Capitalism in Post-Soviet States. Book Review: Markus S. (2015) *Property, Predation and Protection: Piranha Capitalism in Russia and Ukraine*, Cambridge: Cambridge University Press]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 18, no 5, pp. 139–149. doi: 10.17323/1726-3247-2017-5-139-149